

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

Выпуск 7

Серия
гуманитарных наук

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Редакционная коллегия серии:

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Арстаа Шота Константинович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, доцент

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АНА

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Салакая Шота Хичович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АНА

Шамба Тарас Миронович – доктор юридических наук, профессор, почетный член АНА

Сухум
Academia
2017

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ И НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗИИ 20–30-х гг. XX в.

К 10-летию Германского исторического института в Москве в 2015 г. вышел в свет двухтомник «Большевицкий порядок в Грузии». С огромным интересом ознакомился с разделом «Этнос и террор» (М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн, И. Джуха), который вызвал бурную реакцию у некоторых грузинских исследователей (Д. Гамахария, А. Даушвили, Р. Метревели и др.), что нашло свое отражение в главе «Грузия в пути» (М. Юнге, Б. Бонвич, Д. Мюллер), посвященной подробному освещению дискуссии, разгоревшейся между немецкими и грузинскими учеными.

На основе трехлетнего изучения и анализа огромного количества архивных статистических материалов Большого террора в Грузинской ССР немецкие исследователи пришли к выводу, что в 1937–1938 гг. грузинские власти, помимо указаний из Москвы, проводили и свою собственную линию в репрессивной политике. Задается также вопрос об этнической, расистской компоненте; не усматриваются ли в этом терроре возможные черты геноцида? В пользу такого подхода говорит, например, особенно высокий показатель жителей Абхазии, подвергшихся террору, – и «среди них именно абхазы репрессировались в большом количестве».

Такая постановка вопроса вызвала бурю негодования среди отдельных грузинских ученых, которые вышли далеко за рамки академической лексики, обвиняя авторов в антигрузинских политических целях, следовании русской имперской и кремлевской традициям, сепаратистской и даже национал-социалистической идеологии... Весь этот набор обвинений Абхазии хорошо знаком по 80–90 гг. прошлого века, когда тот же Д. Гамахария осуждал абхазских историков за «неправильное освещение» истории. Буйный сторонник З. Гамсахурдиа, депутат грузинской фракции парламента Абхазии, «диссидент» и одновременно преподаватель истории КПСС, накануне грузино-абхазской войны, он открыто заявил в прессе: «Права грузинской нации шире прав человека» (см.: Акаба 1996: 7).

Известный грузинский эксперт Г. Нодия отмечал, что в прессе того времени «можно без труда найти немало расистских высказываний» (Нодия 1998: 39). К сожалению, отдельные выступления тбилисских историков, приведенные дискуссии («Грузия в пути»), говорят о том, что их мировоззрение за прошедшие почти 30 лет практически не из-

менилось. Парадоксально, но осуждая все советское, они по-прежнему живут в его прошлом. В принципе их возмущение вызвано тем, что немецкие исследователи в результате тщательного анализа статистики 1937–1938 гг. в Грузии лишь подтвердили этническую составляющую репрессий, о чем в свое время неоднократно заявляли не только абхазские историки.

Репрессии, развязанные в Абхазии в этот период, особенно после смерти в Тбилиси главы правительства Абхазии Н. Лакоба, обрушились не только на простых крестьян, интеллигенцию, видных государственных и общественных деятелей. Здесь, в отличие от Грузии, репрессии имели свои особенности. Абхазский народ пытались обезличить и представить как одну из грузинских народностей. Достаточно ознакомиться с работой С. Данилова «Трагедия абхазского народа» (Данилов 1951) в которой однозначно говорится о целенаправленном преследовании абхазов в 30–50-е гг. XX в. в целях их ассимиляции. С оценками С. Данилова перекликается политическая характеристика событий тех лет в Абхазии советолога Даррела Слайдера в работе «Кризис советской национальной политики...», изданной в 1985 г. в Лондоне. Он, в частности, пишет: «Большая часть политической истории Абхазии 1931–1953 гг. была под властью Лаврентия Берия... Там явно велась спланированная политика, руководимая Берия». Против этих мер, продолжает он, протестовал до своей «загадочной смерти» Нестор Лакоба. В 40–50-х гг. «Берия начал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной целостности» (см.: Central Asian Survey 1985: 52–54).

Таким образом, статистические выкладки относительно этнического характера репрессий 1937–1938 гг. подтверждают мнение о том, что они явились начальной, стартовой политикой, спланированной Сталиным-Берия, и нашедшей свое дальнейшее продолжение в разных формах вплоть до 1953 г.

В этой связи небезынтесным представляется постановление Парламента Республики Абхазия «Об осуждении геноцида и других репрессивных мер против абхазского народа и представителей других народов, проживающих в Абхазии, властями Грузинской Демократической Республики и Советской Грузии и преодолении их последствий» (15 октября 1997 г., № 364-с-ХІІІ).

Вызывает горькую усмешку позиция Д. Гамахария (кстати, свой политизированный отзыв на окончательный вариант «Этноса и террора» он прислал на бланке тбилисской «автономной Абхазской республики», не имеющей к реальной Абхазии никакого отношения), который обвиняет немецких авторов в «продолжающейся кремлевской политике, направленной на расчленение грузинского этноса». Возмущение связано с тем, что в понятие «грузины» не включены аджарцы, мегрелы, сваны, бацбийцы. Очень сильно раздражают и лазы, которые подверглись же-

сточайшим репрессиям... «Господа авторы должны знать, – с пафосом заявляет Д. Гамахария, – что в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса, разрушить которое какими-то “источниками”... невозможно» (с. 379).

Насколько известно, у Ноя Жордания, главы первой Грузинской республики, была иная точка зрения, которая во многом совпадает с мнением немецких ученых. Он отмечал: «Гурийцы... даже представить себе не могли свободную Грузию. Они не имели представления о единой грузинской нации. Грузия была для них «Картли», а грузины – картлийцы, иногда кахетинцы... У нас не было государственных традиций, одного общего национального прошлого и национальных навыков. В XIII в. прекратилось наше единение, наше государственное сознание, и оно воскресло совершенно в других условиях». «От XV до XIX в. другие народы иногда давали Грузии название “Сакартвело”, включавшее только Карталинию и Кахетию», – заключает автор (Жордания 1968: 7, 93). Комментарии здесь излишни, а о мегрелах, сванах и др. даже и речи не было. Да и сам Д. Гамахария отмечает, что «имперская статистика к графе “грузины” относилась лишь картлийцев и кахетинцев» (с. 378). Как видим, мнение Н. Жордания вполне совпадает с «имперской» статистикой.

Следует отметить, что по материалам переписей 1897, 1926 гг. мегрелы и сваны даны в отдельной графе, а в переписи 1937 г. они уже причислены к грузинам. На эти факты и обратили внимание немецкие исследователи.

Вообще, представляется полезным и необходимым хотя бы в тезисной форме дать основные выводы, к которым пришли авторы «Этноса и террора» на основе тщательного изучения статистических баз данных архива МВД Грузии. Это – сведения о проведении «кулацкой» операции («кулацкая тройка»), «национальных» операций («двойка» и «национальная тройка») и социальной чистки («милицейская» тройка). Дана и классификация жертв в зависимости от национальной принадлежности, в том числе по таким категориям: титульная нация ГССР (грузины); титульные нации «второго ранга» («полутитульные» нации) – абхазы и осетины и т. д.

Авторы рассматривают репрессии через призму национальной политики и ее грузинского варианта, усматривают тесную связь между репрессиями (против абхазов, аджарцев, осетин) и процессом формирования титульной грузинской нации, проводят мысль о том, что власти Абхазии поддерживали лазов, греков, армян, чтобы противостоять натиску партийно-советского руководства Грузии и мегрелам. Так, частота приговоров лазам к высшей мере наказания (ВМН) была «экстремально высокой» в сравнении с собственно грузинами.

В параграфе 5 говорится о репрессиях в отношении представителей «полутитульных» наций абхазов и осетин, осужденных в 1937–1938 гг. «кулацкой» тройкой при НКВД ГССР. По приказу № 00447 общее число жертв составило среди абхазов и осетин 895 человек, причем 62 % (554 человека) были этническими абхазами, что «бросается в глаза», т. к. в соотношении к численности абхазского населения (55409 человек) в составе Грузии – они «подверглись непропорционально жестоким репрессиям». Если сравнивать с грузинами, то показатель абхазов, приговоренных к ВМН, почти вдвое выше (с. 248–249).

Особенно пострадало абхазское крестьянство, цвет нации. Проводимая повсеместно «кулацкая» операция имела своей целью чистку потенциально нелояльных крестьян. На момент ареста к крестьянам относились 45 % репрессированных абхазов (122 человека), что на 18 % превышало средний показатель по Грузии. Доля абхазских крестьян осужденных к ВМН, лидировала с существенным перевесом (45 % – 55 человек), в сравнении с осужденными крестьянами-грузинами (33 %) и осетинами (28 %) (с. 253).

Авторы приходят к очень важному выводу: высокая степень репрессий в отношении абхазов-крестьян может трактоваться как индикатор процесса образования нации, который у абхазов к концу 30-х гг. значительно продвинулся (с. 257). Эта мысль неоднократно ими повторяется (см.: с. 262–263 и др.). Репрессии охватили широкие круги абхазов, т. к. «грузинский центр осуществлял политику гомогенизации (однородности. – *Ред.*) насильственно, посредством репрессий». Тбилиси стремился «повернуть вспять процесс образования абхазской нации, к тому времени уже далеко продвинувшийся вперед» (с. 333).

Абхазы, осетины, лазы потенциально являлись объектом притязаний титульной нации Грузии на гегемонию и ассимиляцию, направленных на поэтапное разрушение или «перекодировку» их особой коллективной и индивидуальной идентичности (с. 267). Вместе с абхазами, армянами, лазами и др., греки усложняли процесс грузинизации Абхазии, препятствовали формированию единой грузинской нации. Так, по данным карательной бюрократии и статистики, репрессии против греков и армян в Абхазии носили более жесткий характер, чем в остальных районах Грузинской ССР. Целью такой политики Тбилиси было наказать проживающих в Абхазии армян и греков, «как потенциальных союзников абхазов в борьбе против доминирования грузин и мингрелов» (с. 267).

Достаточно вспомнить массовую депортацию греков из Абхазии в 1949 г. В параграфе 10: «“Враждебная” национальность: немцы» говорится о том, что более всех в Грузии пострадали немцы и абхазы. В основе такого утверждения лежит анализ статистических данных. «Как и абхазы, немцы в 1937 г. репрессировались в сравнении с грузинами сверхпропорционально. Лишь по доле смертных приговоров в

1937 г. немцы (53 %) немного превосходили абхазов (52 %)» (с. 324). Один из выводов, к которому приходят авторы относительно 1937 г. в Абхазии трактуется ими как «продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви» (с. 331–332).

В целом они рассматривают политику репрессий 1937–1938 гг. в Грузии на фоне сталинского определения нации: национальная общность, общий язык, общность территории, внутренние экономические связи... В соответствии с этим планом происходила «унификация пестрого языкового пространства Грузии». Особенно ярко эти тенденции проявились в Абхазии, когда в 1937 г. латинский алфавит был заменен грузинской графикой. Как оценивалась эта акция в тот период? По этому поводу есть очень ценное свидетельство. В 1937 г. в эмигрантском журнале «Северный Кавказ» была опубликована статья «Сталин – “местный шовинист”». Как известно, алфавиты многих народов СССР (кроме грузинского и армянского) подверглись латинизации, а затем были переведены на русскую графику. “Но, оказывается, – комментирует журнал, – в привилегированном положении находится не только русский язык и алфавит. Таким же положением пользуется и грузинский язык... В число “достижений советской власти” входит и перевод абхазского алфавита с латинской на грузинскую основу... Ясно, конечно, что слова эти были сказаны не без ведома Лаврентия Берия, который в свою очередь является вернейшим рупором “отца советского народа” Иосифа Сталина-Джугашвили. Таким образом, получается, что не только грузинификатор абхазцев Берия, но и его московский патрон Сталин не свободны от проявлений “местного национализма”, который в иных районах СССР преследуется немилосердно. Такова логика советской действительности, созидаемой Сталиным»¹.

Национальная общность, по Сталину, была «немыслима без общего языка». Немецкие исследователи очень верно и тонко подметили этот нюанс, рассматривая его в контексте массовых этнических репрессий 1937–1938 гг. Они пишут: «Карательная статистика в отношении абхазов является наглядным примером реализации путем насилия второго и третьего критериев сталинского определения нации, а именно достижения “общности” территории» и установления «внутренней экономической связи» (с. 333). Речь идет о физическом овладении абхазской территорией и ее колонизации («Абхазпереселенстрой»). Данная политика осуществлялась быстрыми темпами, направляемыми из Тбилиси миграционными потоками, землеустройством и адресным распределением экономических и технических ресурсов. Таким образом, авторы приходят к логическому выводу о том, что «процесс формирования нации сталинского образца в Грузии стал ядром массовых репрессий»

¹См.: Северный Кавказ. Варшава, 1937. № 41; Абхазоведение. Вып. I. Сухум, 2000. С. 133–139.

(с. 338). Они заключали в себе и «этническую компоненту», а значительную часть карательной компетенции центральный аппарат НКВД в Москве передал местным властям, ослабив за ними контроль.

Как уже отмечалось, Большой террор в Грузии не только придал толчок формированию грузинской нации, но и способствовал усилению грузинского национализма. «В результате близорукой политики московского руководства, – заключают авторы, – именно на периферии неправомерным образом были заложены структуры медленного развала советской империи. Бывший народный комиссар национальностей Иосиф Сталин, будучи истинным творцом этой политики, стал могильщиком Советского Союза в буквальном смысле этого слова» (с. 343–347).

Данное исследование немецких ученых по своей компетентности, новизне, научной смелости и проницательности безусловно станет ярким событием в историографии. Это совершенно непохожий, новаторский взгляд на события, основанный на уникальной методике, которая позволила за сухими цифрами увидеть драматическую судьбу не только отдельных личностей, но и трагедию целых народов, о которых до сей поры предпочитают хранить молчание.

В Абхазии, особенно в новейшее время, вышло немало работ по репрессиям 1930–1950-х гг. Многие положения абхазских историков, независимо от них, нашли свое неожиданное, новое подтверждение у немецких исследователей. Что касается раздела «Грузия в пути», то, порой, кажется, что дискуссия между немецкими и некоторыми грузинскими учеными идет не только на разных языках, но и в параллельных мирах. Одни сохранили выдержку и такт, достойно «держали удар», другие – в пылу полемики позволяли себе высказывания в духе 37-го г...

К сожалению, нет возможности оппонировать по всем темам, тем более, что на протяжении почти 30 лет были даны ответы на многие вопросы тому же Д. Гамахария. А пишет он одно и то же, например, о прищлости абхазов в Абхазию не то в XVII, не то в XVIII в. Немецкие авторы тактично ответили ему, что вообще-то речь о другом периоде, да и Г. Анчабадзе возразил: помимо этой «теории» (в основном П. Ингороква), есть и другие мнения известных грузинских историков, которые относят абхазов к автохтонным этносам. «Теория» Ингороква, любимца Берия, появилась в 1949–1951 гг., когда готовилась депортация абхазов и ее целью было доказать, что это не коренной, а пришлый народ, и потому – его можно выслатать... Данная фальшивка используется в Грузии в периоды обострения грузино-абхазских отношений и служит «для внутреннего пользования». В свое время ее признали политизированной и подвергли серьезной критике. Немецкие авторы вынуждены были заметить: «В новейшей грузинской историографии вектор миграции оказался повернут на 180 градусов (речь здесь идет не об эмиграции абхазов из Абхазии, а об их иммиграции в Абхазию),

однако эта позиция не получила поддержки за пределами Грузии» (с. 356).

Д. Гамахария возмущает фраза авторов «Этноса и террора» о «старой традиции грузинского национализма XIX века», откуда берут начало современные проблемы Грузии, включая территориальную. Он часто упоминает Я. Гогешвили, но нигде не говорит о его программной статье о колонизации Абхазии мегрелами, известной под весьма красноречивым названием «Кем заселить Абхазию?» (Тифлисский вестник 1877).

В свое время грузинский академик Г. Джибладзе заметил, что «за исключением некоторых ошибок, допущенных особенно в статье, опубликованной в 1877 г. – «Кем заселить Абхазию?», Я. Гогешвили занимал принципиально правильную позицию в вопросах, касающихся абхазского народа» (Джибладзе 1974: 152). Так, например, в своем раннем известном сочинении «Бундис кари» («Ключ к природе») (1858) он подчеркивал, что абхазы самостоятельный народ и что «они из большого народа стали малочисленными, над ними нависла опасность исчезновения».

Не устраивают Д. Гамахария и этнодемографические данные, основанные на «посемейных списках» 1886 г. и материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г., которые он называет чрезмерно политизированной имперской статистикой, а немецких авторов сравнивает с шовинистами и сепаратистами (!). Причина здесь одна – в этих самых авторитетных переписях дана реальная картина, а недовольство вызвано тем, что мегрелов в Абхазии тогда было еще не так много. В 1886 г. абхазов числилось 58 963 человека (85,7 %), а грузин (в основном мегрелы и лазы – 3 558) 4166 человек (6 %). Д. Гамахария, А. Тотадзе и др. заявляют, что в 1886 г. самурзаканцы были мегрелами, а не абхазами, но это противоречит фактам. В посемейных списках по Самурзаканскому участку самурзаканцы и мегрелы (незначительное количество) даны в разных графах, а в итоговой таблице самурзаканцы представлены вместе с абхазами. Да и Я. Гогешвили подчеркивал: «Самурзаканцы – ветвь абхазского племени» (Гогешвили 1877).

Следует напомнить, что абхазы были тогда «виновным населением» (1877–1907) и имперским властям не было никакого резона увеличивать их численность в своей статистике... Это к вопросу о «политизированности» переписи 1886 г. В 1897 г. абхазы составляли 58 697 человек (55,3 %), а грузины (в основном мегрелы – 23 810) – уже 25 875 человек (24,4 %).

Оценку этнодемографическим процессам в Абхазии во второй половине XIX – первой четверти XX в. дал в 1926 г. известный востоковед В.А. Гурко-Кряжин. «Количество абхазов, – отмечал он, – проживающих сейчас в стране, совершенно не соответствует той роли, которую они играли в исторических судьбах. Искусственное разжижение аб-

хазского населения объясняется тремя главными причинами: массовой эмиграцией их, в результате завоевания Кавказа Россией и ее войн с Турцией, инфильтрацией мингрело-грузин, ассимилирующих аборигенов страны, и колонизационной политикой царского правительства». (Гурко-Кряжин 1926: 10).

Число грузин в Абхазии неуклонно возрастало, в основном за счет переселенческой колонизации в 1918–1921 и особенно в 1930–1950-е гг.

Вообще, следует заметить, что целый ряд грузинских исследователей (А. Ментешашвили, Д. Гамахария и др.) предпринимают попытки довести до ничтожной цифры и без того небольшое абхазское население, ссылаясь при этом на необъективные и второстепенные грузинские источники. По поводу умышленного занижения численности абхазов еще 30 марта 1920 г. в абхазской газете «Апсны» высказался один из лучших знатоков абхазской жизни Дмитрий Гулиа (см. Лакоба 2001: 50–52). Приходится лишь удивляться, как это абхазы вообще дожили до сего дня в грузинской статистике...

Д. Гамахария отдельно коснулся вопроса о «демократических» выборах в третий (первый был создан в ноябре 1917) Абхазский Народный Совет (АНС) в 1919 г. О каких «демократических» выборах может идти речь, если Абхазия со второй половины июня 1918 г. была оккупирована Грузией, если АНС, Абхазский парламент, дважды разгонялся вооруженной силой (15 августа и 9–10 октября 1918), а многие его депутаты-абхазы были арестованы и содержались в Тифлисе, в Метехском замке. Накануне этих выборов в 1919 г. английское командование требовало освободить абхазских депутатов. Вообще, об этом периоде, и о полемике с грузинскими историками, мною подробно было сказано в ряде изданий, начиная с 1989 г. Достаточно привести выступление министра ВД Грузии Н. Рамишвили в парламенте Грузии 17 декабря 1918 г., в котором он признавал, что в Абхазии до сих пор действовал только «правительственный меч».

Почему же Грузия решила провести выборы в Абхазии в феврале 1919 г.? Это решение было вынужденным в связи с тем, что в ноябре 1918 г. в Германии произошла революция и Тифлис лишился своего главного союзника. Теперь в роли хозяев в Грузии были англичане, которые вместе с генералом А. Деникиным намеревались объявить Сухумский округ (Абхазию) «нейтральной территорией». Опасаясь такого развития событий, грузинское правительство форсировало «демократические» выборы в третий АНС, чтобы окончательно не потерять захваченную страну, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Ной Жордания дал обещание предоставить Абхазии широкую автономию. С октября 1918 по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. Чрезвычайный комиссар В. Чхиквишвили опирался на во-

оруженную силу Грузии и на подчиненных ему комиссаров уездов. Это был период неприкрытой оккупации. В результате выборов, которые контролировали представители правящей социал-демократии В. Чхиквишвили и политический представитель Грузии в Абхазии Исидор Рамишвили, был создан новый АНС, начавшей свою работу 18–20 марта 1919 г. На первом заседании открытии выступил И. Рамишвили, который заявил: «Мы не похожи на завоевателей и не земля здешняя нам нужна, мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему социализму» (Наше слово 1919; Лакоба 2004: 73–74). Очень интересным было и выступление на открытии АНС абхазского депутата-независимца Самсона Чанба.

Таким образом, давление Добровольческой армии по абхазскому вопросу, оказанное через британское командование, безусловно, напугало грузинское правительство и вынудило через своих ставленников в АНС (грузинских социал.-демократов) принять 20 марта 1919 г. ни к чему не обязывающий Акт об автономии Абхазии, который так и остался на бумаге...

Между прочим, уже весной 1919 г. англичане усомнились в «демократичности» этих выборов. На совещании в Тифлисе 23–24 мая 1919 г. с участием Н. Жордания и министра иностранных дел Е. Гегечкори, британский генерал Бриггс заявил: «Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества» (см. Лакоба 2004: 75–76).

Следующий пассаж Д. Гамахария о том, как армяне и греки «активно поддерживали Грузинскую республику». А как быть с тем, что их избивали, грабили, изгоняли из Абхазии, а на их земли стали заселять грузин? Достаточно ознакомиться с «папкой № 18» переселенческого отдела комиссариата. (см. Г. А. Дзидзария, Б. Е. Сагария и др.) Свидетельствует об этом и депутат АНС (1919–1921 гг.) от эстонского населения Август Мартин.

Совершенно далеким от истины представляется утверждение Д. Гамахария будто армянское население Абхазии поддерживало грузинское правительство. А как быть, например, с таким документом: обращение Атаро-Армянской общины к Чрезвычайному комиссару В. Чхиквишвили... В нем говорится: «19–22-го января сего 1919 года в нашем обществе разыгрывались события, подобные которым наши старики припоминают из Турции». Прибывший грузинский “летучий отряд” избивал и трое суток грабил армянское село. «Прикладным ударом подавлены ропоты благочинного священника, которого также беспощадно обобрали грабители. Ворованы серебряный крест, серебряный ящичек... Диким порывом, с руганью на устах и с револьвером в руках обысканы комнаты учительницы и учителя, у которых не было ровно ничего... Все терроризиро-

ванное население удрало в лес и горы. Другой учительнице, говорящей хорошо по-грузински, грабители буквально сказали: “Ты грузинка, если это так, ты не должна жить в доме армянина”... Мы ужасно подавлены морально и разорены материально» (см. ссылку на архив в моем ответе Д. Гамахария в 1991 г.: Лакоба 1991, 9 июля № 27).

Всех этих фактов г-н Гамахария не замечает уже 25 лет. Приведенный выше документ датирован январем 1919 г. и адресован В. Чхиквишвили. Грузинский же историк в своем замечании немецким ученым отмечает, что армяне Абхазии сообщали «комиссару Сухумского округа В. Чхиквишвили (январь 1919 г.)» о том, что они якобы «сохранили лояльность и доброжелательное отношение к Грузии и ее правительству». На фоне массовых репрессий против армянского сельского населения такие сообщения не могут вызывать доверия.

Очень интересную оценку политике Грузинской республики дал Карл Эрик Бехоффер, который своими глазами увидел Кавказ в 1919–1920 гг.: «Свободное и независимое социал-демократическое правительство государства Грузия, навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической “малой нации”. Как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри-страны. Шовинизм ее вне всяких границ» (см. Bechoffer 1921: 14) С.Е. In Denikin’s Russia and the Caucasus. 1919–1920. London, 1921, P. 14).

Не обошли стороной грузинские историки и вопрос о статусе Абхазии в 20-х гг. XX в.

Они считают, что Абхазия уже с 1921 г. была автономией ССР Грузии и, дескать, ничего страшного не произошло в феврале 1931 г., когда она стала ею называться. Д. Гамахария пишет: «М. Юнге и Д. Мюллер продолжают повторять сказки об “особом” статусе Абхазии, затем о “занижении” ее статуса и т. д.».

Если Абхазия с 1921 по 1931 г. была автономией, то для чего тогда Грузия признавала ее «независимость», подписывала с ней договоры, все свои административные силы бросала на борьбу с конституцией 1925 г., поэтапно понижала ее национально-государственный статус до уровня автономной республики, применяя репрессивные меры?

Следует обратить внимание и на такой момент. Когда речь идет о советском периоде, и он не отвечает интересам Грузии, то его объявляют оккупационным (провозглашение ССР Абхазии), а если Грузия по итогам советской власти и более раннего российского периода, становится «малой империей», то эти территориальные приобретения в рамках «Грузинской ССР» (а не Грузии), рассматриваются как нечто совершенно естественное. Думается, подобный избирательный подход к советскому периоду не выдерживает критики.

Сегодня существование независимой ССР Абхазии (31 марта 1921 – 17 февраля 1922) серьезными историками, в том числе и грузинскими,

не оспаривается. Между прочим, тогда, 21 мая 1921 г. Ревком Грузии принял декларацию «О независимости ССР Абхазии», что было подтверждено и документом ЦК РКП(б). Ее уникальность, при всей условности «независимости» применительно к тому времени, состояла в том, что Абхазия около года формально была независима как от советской России, так и от советской Грузии – ведь тогда СССР еще не было, он образовался лишь 30 декабря 1922 г.

В декабре 1921 г. лидеры Абхазии под сильным нажимом Сталина и Орджоникидзе вынуждены были заключить с Грузией «особый союзный договор», ратифицированный в феврале 1922 г. первым съездом советов Абхазии. Вплоть до февраля 1931 г. ССР Абхазия была «договорной». В отличие от российских и закавказских автономных республик, ССР Абхазия утвердила свои герб и флаг (1924–1925), издавала декреты, принимала законодательные акты конституционного характера, ввела в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, лесной, земельный. Следует подчеркнуть, что еще в 1922 г. в Абхазии была предпринята попытка разработки Конституции ССР Абхазии, а в соответствии с Конституцией Грузии 1922 г. за Абхазией было закреплено особое правовое положение, в отличие от автономных частей Грузии. В ней, в частности, записано: «В состав Социалистической Советской Республики Грузия входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазии, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе союзного между этими республиками договора».

Историки З. Папаскири, Д. Гамахария и др. считают будто Абхазия, как Аджария и Ю. Осетия, входила в состав ССР Грузии. Но в приведенном тексте прямо сказано: ССР Абхазия объединяется с ССР Грузией «на основе особого союзного между этими республиками договора».

Теперь о Конституции ССР Абхазии 1925 г. Принятие этого важного документа необходимо рассматривать в контексте важнейших, поистине драматических событий весны 1925 г. Д. Гамахария, в отличие от З. Папаскири, пытается отрицать очевидные вещи. Особенно раздражает грузинских коллег пятая статья: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти» (и т. д.). Конечно, это был нонсенс. После принятия Конституции СССР (1924) решиться на такой смелый политический шаг было очень непросто. По сути дела это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией.

Д. Гамахария старается принизить роль и значение конституции (сначала говорит, что это был проект, потом, вдруг, заявляет: если даже при-

нять его за конституцию?!). Возникает вопрос: если этой конституции 1925 г. не было, зачем ее пытались отменить? Зачем надо было Заккрайкому РКП(б) выносить 6 сентября 1925 г. постановление, в котором, в частности, говорилось: «пересмотреть Конституцию ССР Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии» (см. Лакоба 2004: 90–91).

Конституция просуществовала около двух лет. Когда грузинские историки говорят, что она была очень недолгое время, то невольно напрашивается пример с Конституцией Грузинской республики, принятой 21 февраля 1921 г. и просуществовавшей неполных четыре дня...

Совершенно упускается из вида та тяжелая атмосфера (на фоне ожесточенной борьбы Сталина с Троцким), которая складывалась вокруг III съезда советов Абхазии. Не случайно и сам съезд состоялся чуть позже назначенного времени. Самое непосредственное участие в его подготовке принимал Л. Троцкий. «Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, – вспоминал он, – в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики» (Троцкий 1984).

Сюда, к Троцкому, съезжались его сторонники: посол СССР в Англии Х. Раковский, нарком почты и телеграфа И. Смирнов и др. Выступая в Сухуме 5 марта Х. Раковский заявил: «На меня выпала доля, раньше других, приветствовать молодую Абхазскую Социалистическую Республику. Мы даем всему миру пример, как нужно решать национальный вопрос».

На предстоящем съезде, который готовился принять Конституцию Абхазии, должны были присутствовать вместе с Н. Лакоба – Л. Троцкий, А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и др. Однако, 22 марта 1925 г. «Юнкерс», на котором вылетели А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и двое летчиков, загорелся в воздухе и рухнул вблизи тифлисского аэродрома... На траурном митинге в Сухуме Л. Троцкий прозрачно намекнул: «...Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет!» (Трудовая Абхазия 1925).

Позднее кадровый чекист Сурен Газарян заявил по этому поводу: «История когда-нибудь прольет свет на это дело и выявит зловещую роль Берия» (Свободная Грузия 1998).

После гибели своих людей, которую Троцкий назвал «тройным ударом», он спешно выехал из Сухума в Тифлис.

Можно ли вырывать из этого контекста вопрос принятия конституции в 1925 г., не учитывая все эти сложные политические обстоятельства, когда Сталин и Троцкий столкнулись лбами именно в Абхазии?

Несмотря на то, что позиции Абхазии оказались сильно подорванными и съезд лишился мощной поддержки сторонников Л. Троцкого, Нестор Лакоба все же провел в начале апреля 1925 г. III съезд советов, который принял конституцию суверенной Абхазии.

Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован. И совершенно неважно, о чем потом говорил Лакоба в Тифлисе на IV съезде компартии Грузии 2 декабря 1925 г. – ведь над ним навис «дамоклов меч». Он остался без мощной поддержки, без союзников, без иллюзий, а политическая судьба Троцкого практически была решена. В этой драматической ситуации начался закономерный откат назад не только Н. Лакоба, но и Абхазской республики. Между прочим, З. Папаскири подтверждает, что на главу Абхазии оказывался сильнейший нажим из Тбилиси (Папаскири 2009: 247–248).

Новые конституции Грузии и Абхазии были окончательно утверждены на очередных съездах советов в марте – апреле 1927 г. В конституции Грузии было подчеркнуто, что она как государство «строится на основе федерации национальных советских республик». В Конституции Договорной ССР Абхазии говорилось, что Абхазия сохраняет свой государственный суверенитет и представительство в ЦИК СССР, которое было значительно выше автономных республик. Немецкие исследователи в полемике с грузинскими говорят о том, что Абхазия обладала особым статусом договорной республики и в этом смысле была единственной в СССР.

Отдельного внимания заслуживает подход авторов «Этноса и террора» (М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн, И. Джуха) к событиям 1931 г. в Абхазии. В отличие от Т. Блаувельта (подробно описал ход Гудаутских событий) авторы пришли к выводу, что в подходе к этому «восстанию» грузинские власти проявили острую заинтересованность в том, чтобы «затушевать национальные причины восстания, т.е. абхазо-грузинские противоречия, выдвинув на первое место социально-экономические причины, представив события в Гудауте исключительно как антиколхозные» (с. 259, 359).

Таким образом исследователи подтвердили очень важный тезис, связанный с понижением статуса Абхазии. В 1990 г. относительно общенационального Гудаутского («Дурипшского») схода (18–26 февраля 1931) было подчеркнуто: «Одной из главных причин грандиозного схода было всеобщее недовольство народа преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР. Вопрос же о колхозах – это лишь то, что лежало на поверхности требований и послужило поводом к выступлению. Непосредственная связь между данными обстоятельствами оставалась вне поля зрения исследователей» (см. Лакоба 1990: 90–91). Обращает на себя внимание и тот факт, что Гудаутские события совпали по времени с принятием решения в Сухуме (11 февраля 1931) и Тбилиси (VI съезд Советов Грузии, 19 февраля 1931) о преобразовании Абхазии в автономную республику в составе Грузии (просуществовала до 1991).

Согласие с такой точкой зрения выразил и грузинский историк Зураб Папаскири. По поводу схода в с. Дурипш (Гудаут-

ский район) в феврале 1931 г. он отмечал: «В последнее время, С. З. Лакоба, совершенно обоснованно указал на взаимосвязь многодневного всенародного схода абхазов с изменением политико-государственного статуса Абхазии... Вслед за С. З. Лакоба, представляется, что настоящей причиной выступления абхазов в феврале 1931 г. было недовольство, вызванное именно упразднением “договорной” республики» (там же: 259). Вопреки мнению некоторых авторов, восстание в Гудаутском районе яркое свидетельство протестных настроений, связанных именно с понижением статуса Абхазии. Активное участие в событиях принимала и мать Н. Лакоба – Шахусна. 24 февраля 1931 г. в Гудауту выехали председатель Закавказского ГПУ Л. Берия и секретарь ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия. Тогда же в Абхазию были спешно переброшены 240 штыков 8-го полка, дополнительно еще 95 штыков и две бронемашинны из Гянджи (Азербайджан). Только в последний момент кровопролитие удалось избежать благодаря народной дипломатии Н. Лакоба. В дальнейшем и коллективизация здесь не была проведена в ее жестких формах. По сути произошел размен по-сталински: автономия, как «меньшее зло», вместо коллективизации (см. Бгажба, Лакоба: 357–359).

Событиям 1931 г. огромное значение придавалось в годы Большого террора. Многие крестьяне попали тогда под топор репрессий. Авторы «Этноса и террора» справедливо указывают, что больше всех в Абхазии пострадали простые крестьяне, а не партийно-государственная элита, хотя она, как и национальная интеллигенция, были почти полностью уничтожены (см. Данилов 1951).

В этом отношении обращает на себя внимание показательный судебный процесс в Сухуме (по примеру московских) по «делу 13-ти лакобовцев». Официально дело называлось: «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, шпионской, террористической, повстанческой организации в Абхазии». Судебный спектакль проходил в здании театра (30 октября – 3 ноября 1937 г.). Среди обвиняемых были: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, В. Лакоба, В. Ладария, Д. Джержения, С. Эбжноу, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, Х. Чанба, К. Ахуба. Процесс проходил при ближайшем участии Л. Берия, который впервые прибыл в Сухум после гибели Н. Лакоба.

В ночь на 3-е ноября девять человек были расстреляны (один из них позже), а трое оставшихся осуждены на различные сроки заключения. (Лакоба 2004: 132–133).

Среди десяти расстрелянных семеро были абхазами, а трое представляли армян (П. Сейсян), греков (А. Энгелов) и мегрелов (С. Туркия). Все они занимали высокие посты в государстве. Исключением был лишь один человек – известный и авторитетный в народе крестьянин

Сит Эбжноу. Сейчас о нем и в Абхазии мало что помнят и знают. Между тем, он был одним из главных организаторов и основным оратором на девятом, последнем сходе, 26 февраля 1931 г., на котором присутствовали Председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба, члены правительства Абхазии, а также С. Мамулия и Л. Берия. Сит Эбжноу выступил с очень яркой речью (см. Куправа 2015: 811).

Лакоба очень уважал и ценил С. Эбжноу. Берия неоднократно пытался его арестовать и уничтожить, но Лакоба категорически возражал против таких действий. Поэтому не удивительно, что Сит Эбжноу был приравнен Берия к руководству Абхазии и приговорен к ВМН...

Монография «Этнос и террор» выполнена на высоком научном уровне и многие ее положения подтвердили те подходы, которые были сформулированы в абхазской историографии задолго до работы авторов в грузинских архивах по проблеме Большого террора 1937–1938 гг. Статистическое исследование и его выводы значительно расширяют наши представления о специфике политических репрессий тех лет.

Литература

- Абхазский биографический словарь. М.–Сухум, 2015.
- Акаба 1996*: Акаба Н. Н. Абхазия между любовью и ненавистью. Сухум, 1996.
- Бгажба, Лакоба 2015*: Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2015.
- Данилов 1951*: Данилов С. Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР. Мюнхен, 1951. № 1.
- Джибладзе 1974*: Джибладзе Г. Н. Педагогика и методика. Письма, мемориал. Тбилиси, 1974. (на груз. яз.).
- Нодия 1998*: Нодия Г. Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.
- Тифлисский вестник, 1877. 9 ноября. № 245.
- Гурко-Кряжин 1926*: Гурко-Кряжин В. А. Абхазия. Издание Научной Ассоциации Востоковедов при ЦИК СССР. М., 1926.
- Жордания 1968*: Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.
- Лакоба 2001*: Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси: документы и факты. Сухум, 2001.
- Лакоба 1990*: Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
- Наше слово 1919*: Наше слово. Сухум, 1919. 21 марта.
- Лакоба 1991*: Лакоба С. З. Абхазия – это Абхазия. Сухум, 1991. 9 июля. № 27.
- Лакоба 1999*: Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси, 1999.

Об исследовании немецких ученых и некоторых аспектах политической истории...

Лакоба 2004: Лакоба С. З. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Саппоро, 2004.

Папаскири 2009: Папаскири З. Абхазия. Тбилиси, 2009.

Троцкий 1984: Троцкий Л. Портреты. США, 1984.

Трудовая Абхазия 1925: Трудовая Абхазия. Сухум, 1925. 25 марта.

Свободная Грузия 1998: Свободная Грузия, 1998. 3 июля. № 167.

Central Asian Survey 1985. № 4(4).

С. З. Лакоба,

кандидат исторических наук